

ANDRZEJ BOGUSŁAWSKI (Warszawa)

К ВОПРОСУ О ВАЛЕНТНОСТИ ИСТИННОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Будем называть истинностными характеристиками средства, оформляющие отрицание, а также выражения, специфика содержания которых определяется их отношением к отрицанию. Здесь имеются в виду понятия истинности и ложности, экзистенциальные предикаты, понятия необходимости, возможности, условной связи и др. Мы ограничимся, однако, лишь (а) отрицанием в тесном смысле, образцом которого может служить (1) *Иван не спит.*, (б) приписыванием чему-либо значения истинности „ложь“, осуществляемым с помощью предложений вроде (2) *Неверно, что Иван спит.* или с помощью замкнутых диалогических высказываний, таких как (3) *Нет.*, (4) *Это не так.*, (5) *Это неправда.* Будем называть высказывания типа (б) „опровержением“. Конечно, „подтверждение“ проявляет все те же свойства, что и „опровержение“. Подчеркнем, что любое семантическое отклонение от указанных образцов будет считаться основанием для исключения соответствующей конструкции из круга интересующих нас явлений (ср., например, *не в не сомневаюсь*).

В огромном большинстве предложений отрицание, опровержение или то, что как правило принимают за их реализацию (ввиду материального и частичного семантического сходства с ними), либо непосредственно представлено, либо может быть включено с сохранением основного тождества исходного материала. Только междометия в узком смысле, например *тпру*, которые вполне можно исключить из объема понятия „язык“, и цельные, не подлежащие распространению высказывания вроде (6) *А?*, (7) *Еще бы!* нарушают эту общую картину.

С другой стороны, элементарной истиной признано утверждение, что весьма многочисленные предложения остаются вне действия отрицания. Именно по этому признаку повествовательные предложения противопоставляются побудительным и вопросительным: последние, по общепринятой формуле, не имеют значения истинности. Дело в том, что если в них и появляется отрицание, оно, часто вопреки внешним приметам, не охватывает всего их содержания: часть с отрицанием „вложена“ в более широкое целое, примерно так же, как (1) вложено в не-отрицательное предложение (8) *Петр сказал, что Иван не спит.* К побудительным и вопроси-

тельным предложениям как целым неприменимы также реплики типа (9) *Неверно*.¹

Это яркое ограничение сферы употребления отрицания и производных величин ставит нас перед существенной дилеммой. Либо подобные явления обусловлены специальными обстоятельствами внешнего порядка, не затрагивающими, в конечном счете, статус отрицания как феномена, конституирующего (наряду с фонологическим оформлением) предложение, либо отрицание таким конститутивным элементом не является, а является всего лишь одним из многих компонентов, определяющим известный подкласс предложений, в других же случаях встречающимся только на более низких узлах фразовой структуры, как слагаемое представителей того подкласса, „вложенных“ в части более высокого ранга.

Последнее решение шло бы вразрез с некоторыми понятиями о языке, производящими впечатление фундаментальных и незбылемых. Я имею в виду понятие о языке как средстве передачи информации, т. е. знания, которое, в свою очередь, немислимо без различения предметов и их признаков и дискретного противопоставления несовместимых возможностей.² Высказывания могут представлять собой и способ воздействия на собеседника, направленного на эмоциональные, действенные и др. реакции его, но не заслуживает имени „высказывание“ такое поведение, в котором не содержится никакого когнитивного элемента, т. е. в котором не заключено противопоставления каких-то признаков ситуации другим возможным, „конкурирующим“, признакам ее. Между тем все эти необходимые черты подлинного „высказывания“ как раз заложены в отрицании. Низвести отрицание до степени обычного, пусть даже весьма важного, элемента языка значило бы подвергнуть сомнению основы основ теории языка, в частности, положение о репрезентативной функции³ как неотъемлемом и центральном признаке языковых фактов.

В связи с этим надо обратить внимание на следующее обстоятельство. Интересующие нас „не-негабилльные“ предложения, в дальнейшем: НП, вполне определены по своему понятийному содержанию, направлены к некоторому адресату, носят в широком смысле характер „заявлений“ и притом находятся в отношении взаимного исключения с определенными повествовательными предложениями, в дальнейшем: ПП, которые подчиняются в самом прямом смысле общему принципу полярности. В качестве примера можно указать на соотношение повелительного предложения и ПП, констатирующего отсутствие соответствующего желания говорящего, ср. (10) *Сни.* и (11) *Я отнюдь не хочу, чтобы ты действовала так, чтобы спать*. Упомянутое взаимное исключение состоит в том, что один и тот же говорящий отклоняет нормальное употребление обоих предложений в тождественной ситуации и с тождественной предметной отнесенностью или, что сводится к тому же, считает такое употребление либо „шуточным“, либо „смещенным“, „цитатным“, либо, в случае произнесения

¹ Ср. об этом: R. Jakobson, *O budowie ukraińskiego rozkaźnika*, *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 5. Warszawa 1965.

² На том, что весь механизм языка вращается вокруг вопроса о тождестве и различии, особенно настаивал Соссюр, ср. F. de Saussure, *Course de linguistique générale*. Paris 1922. P. II, Ch. III.

³ „Darstellungsfunktion“ Бюлера.

одного предложения вслед за другим, употреблением, связанным с внезапным изменением говорящего и его отношения к окружающей действительности (причем речь идет не о стилистических или эстетических запретах). Если теперь обратимся к парам ПП, то мы можем легко убедиться, что точно такое же взаимное исключение⁴ составляет сущность обычного противоречия. Противоречие же не является ничем иным как „отрицанием в действии“: ведь „закон непротироречия“ представляет собой просто характеристику свойств отрицания.

Но раз противоречие по существу заключается в том волевом отношении говорящего, которое мы описали выше, а, с другой стороны, это отношение появляется и в случае ННП, мы, по-видимому, вправе считать, что действие отрицания, в конце концов, охватывает и их, хотя оно и не реализуется в виде нормального синтаксического отрицания (опровержения). Отрицательным противочленом такого ННП следовало бы признавать отрицательное ПП, в котором отрицанию подлелжит все то, что является предметом квази-утверждения в данном ННП. Конечно, пайти такой противочлен в разных конкретных случаях может быть весьма затруднительно.

Все это ведет к следующей возможной формулировке: ННП не лишены способности подвергаться логической оценке, а, наоборот, отличаются одним из значений истинности, И или Л. Отличаем синтаксическую операцию сочетания определенного предложения с выражением *верно то, что* или *неверно то, что*, с одной стороны, и само значение истинности, с другой. Это последнее является свойством предложения вместе с его интерпретацией; это свойство релятивизируется именно к данной интерпретации. Приписав (10) интерпретацию (12) *Я хочу, чтобы ты действовал так, чтобы спать.* (противочлен (11), которое является противочленом (10)), мы будем считать (10) истинным, если истинно (12), и ложным, если (12) ложно.

Тем не менее приходится согласиться, что синтаксические факты непосредственно не согласуются с нашим домыслом насчет всеобъемлющего статуса отрицания и с вышеприведенной формулировкой, касающейся значений истинности. Эти факты требуют специального истолкования. Нам предстоит выяснить, что же именно мешает ННП, которые мы считаем конституирующими настоящие высказывания и значения истинности которых мы предлагаем выявлять опосредствованным путем, непосредственно становиться объектом истинностной характеристики.

Для весьма обширного класса предложений ответ можно пайти, учитывая дифференциацию языковых функций. Как известно, определенные выражения наделены, кроме репрезентативной функции, еще и другими функциями. Мы имеем здесь в виду то, что иногда называют экспрессивной и импресси-

⁴ Здесь необходима одна оговорка. „Точно такое же взаимное исключение“ не касается таких звуковых проявлений, как *тирру, алло, ох, (фу) черт* и т. п., и описаний ситуаций, в которых они неуместны. Но ситуации, в которых такие выражения нормально встречаются, не представлены в них; это легко видеть из их крайней понятийной неопределенности и, прежде всего, из того, что они не обращены к адресату, они не несут интенциональной информации (заметим, что *алло* только и направлено на то, чтобы „создать“ адресата).

ной функциями. Я буду говорить об (а) „эмоциональной инструментализации“ и (б) „практической инструментализации“.⁵

В случае (а) мы имеем дело с подбором выражений, рассчитанным на внушение адресату образа говорящего как питающего особое эмоциональное отношение к соответствующему предмету или к высказыванию как таковому. Примеры: (13) *Тогда Иван впервые увидел солнышко.*, (14) *Бблен Иван.* с так называемым субъективным порядком слов. В случае (б) речь идет о конвенциях, связывающих с определенными выражениями те или иные практические реляции между собеседниками, например, обязательство, как при *обещаю*, готовность говорящего добиваться действием выполнения его воли, как при употреблении повелительного наклонения,⁶ и т. п.; этот круг предложений включает побудительные и перформативные предложения. Пример: (15) *Прошу занять места.*

Эмоциональная инструментализация препятствует опровержению; по отношению к (13) или (14) возражение с *неверно*, что воспринимается как шутливое. Практическая инструментализация не только исключает опровержение, но и лишает предложение его нормального отрицательного противочлена. Предложение (16) *Не прошу занять места.* обозначает отсутствие высказывания (15), а не является таким же перформативом, как (15), только изображающим состояние говорящего другое, чем воля, чтобы адресаты сели. Тем более невозможно опровержение (15); (17) *Ты не просишь занять места.* отрицает сам факт существования (15), а не то, что (15) обозначает, если оно существует.

Наличие вышеуказанных функций делает сопротивление отрицанию или опровержению, оказываемое соответствующими выражениями, вполне понятным. Практическая инструментализация надстраивается над некоторой положительной репрезентацией положения вещей и только над такой положительной репрезентацией; отрицание остается, так сказать, на более низком этапе генерирования. Притом введение практической инструментализации представляет собой известный акт со стороны говорящего, дополнительный по отношению к передаче данной репрезентации. Между тем ложь можно предцировать только о репрезентации, не о фактах. Поскольку же репрезентация в наших предложениях оформляется синкретически вместе с практической инструментализацией, все предложение в целом ускользает от опровержения. Опровержение может реализоваться только путем особого выделения того, что является репрезентацией — в виде специального ПП. По отношению к (15) таким ПП может быть, огрубленно говоря, (18) *Ты не хочешь, чтобы мы заняли места.* Сходным образом обстоит дело с эмоциональной инструментализацией. Правда, она может надстраиваться и над отрицательными предложениями, но опровержение, отнесенное к такому не-нейтральному выражению также выходило бы за пределы своей компетенции: вместе с репрезентацией оно как будто ставило бы под вопрос и соответствующий экспрессивно-импрессивный акт говорящего, акт, который сам по себе имеет место или не имеет

⁵ Эти понятия я рассматривал в ст. *Pragmatyczne właściwości wyrażen równoznacznych. Projekt schematu.* Pamiętnik Literacki LXIV, 1973, 3. С. 134—140.

⁶ Более подробный анализ повелительного наклонения я предложил в ст. *O rozkazniku*, Prace Filologiczne XXV, 1974.

места, но к которому понятия истины и лжи просто неприменимы (И или Л можно было бы предцифровать только об особом предложении, изображающем этот акт).

Однако не все ННП подлежат объяснению с помощью когнитивного-внекогнитивного синкретизма определенных выражений. В таких предложениях, как (19) *Откуда я знаю.*, (20) *И надо же ему было ездить туда.*, (21) *Он, пожалуй, не вернется.* нельзя усматривать обсуждавшиеся выше типы инструментализации. К той же категории следует отнести и крупный класс вопросительных предложений. Учет автонаправленных или лишенных определенного адресата вопросительных предложений заставляет приписать реляцию „требование ответа спрашиваемого“ особым конвенциям из области жестов, а не самой структуре предложения: сами по себе вопросительные предложения являются лишь репрезентацией желания говорящего столкнуться с истинными предложениями соответствующего типа.⁷

Первая догадка связывала бы „не-негабилность“ наших предложений с тем фактом, что они изображают определенные умственные или внутренние состояния говорящего, наличие которых недоступно проверке другими лицами. Действительно, „эгоцентрические“ предложения можно считать стоящими на качественно другом уровне сомнительности и дискусионности, чем „не-эгоцентрические“. Недвусмысленным показателем этого является крайняя редкость споров насчет внутренних состояний собеседников, их явная вторичность по отношению к эксплицитным разногласиям насчет того, что доступно обоим партнерам на равных основаниях. Тем не менее, нашу догадку приходится тут же отклонить: все же нормальное отрицание и опровержение применяется и к „эгоцентрическим“ предложениям, ср. (22) *Я хочу, чтобы ты позабыл к ней пути и дороги.*, (23) *Я отнюдь не хочу, чтобы ты позабыл к ней пути и дороги.*, (24) *Неверно, что ты хочешь, чтобы он позабыл к ней пути и дороги.*

По-видимому, „не-негабилность“ наших предложений обусловлена не семантически, а структурно.

Займемся сначала отрицанием. Здесь необходимо различить два случая. Во-первых, отрицание может быть применено к данному предложению другим лицом, чем автор соответствующего высказывания. Как известно, для сохранения тождества референции индексное выражение, указывающее на автора как на автора, должно быть в таком случае заменено индексом, указывающим на него как на 2 или 3 лицо. Однако указание на автора в рассматриваемых предложениях синкретически сливается с обозначением других элементов содержания. Это сразу же исключает возможность соответствующей переработки предложения.

Сложнее обстоит дело с гипотетическим употреблением отрицания самим автором по отношению к своему же предложению. Ведь в таком случае индекс как раз должен сохраняться и при отрицании. Все же и здесь структурные особенности препятствуют оформлению нужного отрицательного предложения. Дело в том, что отрицание конституирует рему при явно противопоставленных темах (лицах и предметах), среди которых должны

⁷ Эту мысль я изложил в ст. *On the Semantic Structure of Interrogative Sentences*, Salzburger Beiträge zur Linguistik III. Hrsg. G. Drachman. Tübingen 1977.

быть „третьи лица“, так что получается эксплицитная симметрия: T_1P_1 , T_2P_2 , T_1P_2 , T_2P_1 ... (хотя возможны и комплементарные видоизменения выражений, как это бывает при спряжении глаголов). Между тем, „первое лицо“ как тема определенной предикатной структуры в наших предложениях как раз не выделена таким образом. Появляющиеся в них внешние средства отрицания связаны с некоторой „вложенной“ предикатной структурой (напр., „ты ...“ в отрицательных предложениях с повелительным наклонением), а отрицанию, относящемуся к „эгоцентрической“ части содержания, просто прикрепиться некуда. Заметим, что даже в случае (19) *Откуда я знаю*. выделение тематического выражения мнимое: (19) представляет собой цельную, неделимую единицу, ср. отсутствие симметрического *откуда он знает* и т. н.; ни постановка *не* перед *откуда*, ни поставка *не* перед *я знаю* не могут дать нужный эффект.

Что касается опровержения со стороны других лиц, то оно блокируется так же, как и отрицание. Отсутствие же „автоопровержения“ можно объяснить тем, что опровержение на самом деле представляет собой две единицы: *неверно что* + отрицание в соответствующем предложении или *неверно что* + отсутствие отрицания (утверждение) в соответствующем предложении. Невозможность отрицания в ННП создает, таким образом, в чисто структурном плане, и их „иммунитет“ к „автоопровержению“.

Предложенная структурная характеристика ограничений отрицания и опровержения, надо подчеркнуть, никак не находится в противоречии с тем упомянутым выше фактом, что основной сферой обмена противоположными мнениями являются ситуации, подлежащие совместной, равноправной проверке всеми участниками диалога, т. е. все то, что является внешним по отношению к „я“ каждого из них. Вторично и „внутренние“ состояния могут оспариваться. Но это происходит лишь в специальных условиях. Основная масса „эгоцентрических“ выражений, столь необходимых на каждом шагу, приобретает неповторимый, конденсированный и синкретический вид, где нельзя обнаружить никакой симметрии по отношению к эквивалентным по содержанию цепочкам выражений, описывающих состояния других лиц. Они и употребляются там, где вопрос об истине и лжи в отношении внутреннего состояния собеседника считается несущественным, не заслуживающим дискуссии или бесплодным, но зато пуща как можно более сжатая, богатая по содержанию, оперативная и выразительная репрезентация этого состояния. Для того чтобы в особых случаях дебатировать внутренний мир свой или партнера, необходимо прибегать к выражениям, с помощью которых описываются другие лица, или к таким синкретическим выражениям, которые находятся в четком дополнительном распределении с вполне определенными характеристиками других лиц.

Отметим, что принцип симметрии выражений, характеризующих первое лицо, и выражений, характеризующих 3 лицо, как необходимое условие применения к первым синтаксических операций отрицания и опровержения охватывает и выражения с практической инструментализацией. Это и понятно: последние всегда изображают несимметрическим образом определенное волевое состояние говорящего.

Однако ограничения, накладываемые на отрицание и опровержение, не исчерпываются факторами, которые мы рассматривали до сих пор и которые

безусловно являются самыми вескими. Существует еще один вид препятствий на пути интересующих нас синтаксических средств. Я имею в виду компоненты предложений, которые следует толковать как авторские комментарии (в широком смысле) к суждениям, представленным в других частях предложений. К ним относятся всякие парентетические выражения, а также выражения типа *a, однако*, с помощью которых говорящий устанавливает связь отдельных суждений в тексте или в цепочке текстов (диалог). Так, например, включение предложения [25] *А Петр опоздал* как целого в схему *неверно что* абсолютно невозможно.

По-видимому, свести „метатекстовые“ выражения рассматриваемого типа к категории „эгоцентрической характеристики“ нельзя: они дают авторские ремарки к основному тексту или авторскую упорядоченность текста в контексте, но не авторскую характеристику авторского же отношения к чему-либо.

Следовательно, хотя все ограничения отрицания и опровержения связаны со специфической реляцией „предложение — автор“, мы не в состоянии описать их механизм с помощью одной обобщенной формулы.

В заключение заметим, что наш анализ обратим. Обнаружив „не-негабилность“, мы можем с уверенностью (если наши рассуждения были корректны) утверждать, что исследуемое выражение отличается одной из особенностей, которые мы пытались перечислить, причем выбор одной из них не должен быть слишком затруднительным. В частности, во многих случаях „нег-отталкивание“ помогает выявить семантическую структуру предложения, заставляя нас признать наличие „эгоцентрической“ предикации.

Подведем итоги. Синтаксические процедуры отрицания и опровержения применяются к предложениям как целым при определенных условиях. Их применение исключается тройкого рода „авторской маркированностью“ предложения:

(а) его не-нейтральностью в отношении внекогнитивных функций (которые всегда включают автора как аргумент реляции),

(б) наличием „эгоцентрического“ суждения с синкретическим выражением темы „я“ и ремы и с несимметричностью структуры по отношению к „не-эгоцентрическим“ суждениям (многие случаи (б) относятся также к категории (а)),

(в) „неоднородностью“ предложения, т. е. включением в него, помимо определенной основной репрезентации, авторского комментария к ней.

